

УДК 94(47).05
DOI 10.52452/19931778_2021_5_18

КАБИНЕТ-СЕКРЕТАРЬ А.В. МАКАРОВ И ЕГО РОЛЬ В ПОЧЕПСКОМ ДЕЛЕ КНЯЗЯ А.Д. МЕНШИКОВА

© 2021 г.

М.Т. Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

m-nakishova@mail.ru

Поступила в редакцию 11.06.2021

В статье уделяется внимание деятельности кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова и его участию в судебно-следственном деле князя А.Д. Меншикова, связанном с межеванием почепских земель на Украине. Подробно рассматриваются отношения, сложившиеся между Меншиковым и Макаровым, начиная с периода службы последнего в Ижорской канцелярии князя. На основе анализа переписки двух петровских соратников реконструируются те вопросы, по которым происходило их взаимодействие. Особо отмечается важное место среди тематики корреспонденции в 1720–1723 гг. сюжета, касающегося разбирательств по Почепскому делу. Автором анализируется динамика, тональность и содержание писем Меншикова к Макарову и Макарова к Меншикову относительно межевания Почепа. В результате делается вывод о незаменимости Макарова для Меншикова в ходе судебно-следственных разбирательств, однако подчеркивается ограниченность помощи кабинет-секретаря рамками его собственных интересов и волей государя.

Ключевые слова: Почепское дело, судебно-следственный процесс, межевание, Кабинет, кабинет-секретарь, А.Д. Меншиков, А.В. Макаров, Украина, Почеп.

Алексей Васильевич Макаров (1674/1675–1750 гг.), кабинет-секретарь Петра I, президент Камер-коллегии, соратник и приближенный первого российского императора, бесспорно, является одним из самых ярких представителей эпохи. Сын подьячего вологодской воеводской канцелярии, благодаря административным талантам, упорному труду и заслуженному доверию государя, он смог сделать успешную карьеру, стать одной из самых влиятельных и состоятельных персон своего времени. Макаров принимал непосредственное участие во многих значимых событиях петровского правления: он сопровождал государя в ходе зарубежных посольств и военных действий Северной войны, трудился над созданием города-парадиза Санкт-Петербурга, занимавшим в мыслях Петра особое место, участвовал в написании «Истории Свейской войны», контролировал строительные работы, отправку дворянских детей для ученичества в Европу и многое другое.

Тем не менее, несмотря на все успехи А.В. Макарова на государственном поприще, его жизненный путь и государственная деятельность до сих пор остаются мало изученными. За исключением небольших биографических очерков, некоторые из которых и вовсе являются публицистическими, в исторической науке не существует полноценного, системного исследования, посвященного петровскому кабинет-секретарю (см., например: [1–5]). Наиболее

подробной работой, представляющей биографию Макарова периода 1700-х – 1720-х гг., является раздел книги Н.И. Павленко «Птенцы гнезда Петрова» [6]. В нем классик советской и российской историографии анализирует различные аспекты деятельности Макарова: участие в написании «Истории Свейской войны», финансовую деятельность, участие в отправке учеников в Европу, скандальное следственное дело, омрачившее последние годы его жизни, и т.д. Однако увлекаясь отдельными сюжетами, Павленко не создал целостной картины жизни Макарова, хотя нельзя не отметить заметное достоинство данного исследования – широкую источниковую базу, включающую в себя несколько комплексов исторических источников, ранее в научных оборот не введенных (например, отдельные материалы фонда Кабинета Петра, Следственной комиссии по делу Макарова в Российском государственном архиве древних актов и личного фонда Макарова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки). Более того, как показывает тщательный анализ текста Павленко, описывая деятельность Макарова на должности кабинет-секретаря, он активно использовал работу «200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904», где главы, посвященные петровскому времени, были написаны историком П.М. Строевым [7]. Для этого исследования наиболее ценной в работе Павленко является

его попытка проследить рост влияния Макарова на протяжении 1710-х – 1720-х гг. и обозначить вектор развития взаимоотношений кабинет-секретаря с другими петровскими соратниками. Остановимся на этой идее подробнее.

Согласно Павленко, Макаров не сразу привлек внимание «птенцов гнезда Петрова», поскольку в начале своей карьеры был лишь простым подьячим без средств и влияния. По мере вовлечения Макарова в государственное строительство и укрепления его позиций интерес к нему стал расти. Первыми увидели собственную выгоду в создании деловых и личных связей с кабинет-секретарем «люди его круга» (А.В. Кикин, А.М. Девиер) и «близкие ему по социальному статусу корреспонденты» (А.А. Курбатов, В.С. Ершов). Затем уже стало выгодно прибегать к услугам кабинет-секретаря более влиятельным вельможам – Ф.М. Апраксину, М.М. и П.М. Голицыным, В.В. Долгорукову, М.П. Гагарину [6, с. 249]. От себя добавим, что отношение к Макарову менялось у петровских соратников параллельно с ростом значимости Кабинета как государственного органа ко второй половине 1710-х гг.: поле деятельности кабинет-секретаря увеличивалось и, следовательно, увеличивалось его влияние.

Интерес к персоне Макарова стимулировался в том числе и высокой степенью доверия к нему Петра I. Надо полагать, что сама по себе должность главы Кабинета исключала возможность занятия ее человеком, не пользующимся благосклонностью государя. Широкий круг обязанностей кабинет-секретаря, его постоянное присутствие рядом с Петром и его семьей, ведение документации и доступ к царской корреспонденции делали Макарова по-настоящему доверенным лицом. С другой стороны, царская милость не только означала обладание преференциями, но и влекла за собой дополнительные обязательства. Макарову, получив такой аванс доверия, необходимо было ухитриться его оправдать и впоследствии не растерять, а это, как показывают многочисленные политические судебные процессы последнего десятилетия петровского правления, в которых, к слову, Макаров не был замешан как подозреваемый, являлось не таким уж легким делом. Более того, доверие государя зависело и от отношений Макарова с близкими к Петру людьми, которые при удобном случае могли, как и сам кабинет-секретарь, или поддержать его перед правителем, или породить в государе тень сомнения. Соответственно, Макарову было необходимо выстроить такие отношения с другими петровскими соратниками, которые бы приносили наибольшую выгоду для него само-

го, поддерживали доверие Петра и максимально продлили его политическую карьеру.

Одним из сюжетов, наиболее ярко показывающих, каким образом Макарову удалось лавировать между собственными интересами, волей государя и благосклонностью влиятельнейших из влиятельных вельмож, является ситуация с его участием в Почепском деле князя А.Д. Меншикова. Макаров в силу занимаемой должности и сложившихся долгосрочных связей с Меншиковым оказался в гуще почепских событий, хотя и прямого отношения по формальному долгу службы к ним не имел. Поэтому прежде чем перейти непосредственно к анализу роли кабинет-секретаря в событиях, развернувшихся вокруг межевания г. Почеп на Украине, необходимо кратко оценить характер взаимоотношений, которые связывали Макарова и Меншикова до обозначенных событий и подготовили почву для их сотрудничества, а также определить круг вопросов, по которым петровские соратники контактировали в повседневной жизни.

Первые годы государственной службы Макарова освещены в историографии достаточно смутно. Тем не менее исследователи предполагают, что знакомство Макарова с Меншиковым произошло в 1703–1704 гг., когда будущий кабинет-секретарь служил подьячим в Ижорской (Ингерманландской) канцелярии князя, назначенного в 1703 г. губернатором Ингерманландской губернии. С 1704 г. Макаров вышел из подчинения Меншикова и был определен личным секретарем Петра I (с 1713 г. кабинет-секретарем) [4, с. 505; 6, с. 235]. Как показывают материалы Походной канцелярии князя, в годы военных кампаний Северной войны (1700–1721 гг.) Макаров и Меншиков регулярно обменивались корреспонденцией. Прежде всего, они сообщали друг другу сведения, касающиеся действий на фронтах, расположения армии, обеспечения войска и флота, продовольствия и обмундирования [8, ф. 83, оп. 1, д. 4201, л. 1–1об; д. 4878, л. 19–19об, 28–28об; оп. 2, д. 9, л. 24–26; д. 10, л. 17об–20 и др.]. Меншиков просил Макарова, следовавшего вместе с государем, передавать важные сведения Петру, Екатерине, адмиралу Ф.М. Апраксину и другим военачальникам, располагавшимся для кабинет-секретаря в близком доступе [8, ф. 83, оп. 1, д. 4878, л. 28–28об, 42–42об, 51–51об и др.]. Во время пребывания в Санкт-Петербурге Макаров был частым гостем дома князя. Согласно «Повседневным запискам делам князя А.Д. Меншикова», он посещал меншиковский дворец в составе свиты Петра, вел с ним долгие разговоры о важных государственных делах, участвовал в

увеселениях и приемах пищи [9, с. 167, 175, 211, 220, 269, 303 и др.]. Меншиков также навещался в дом кабинет-секретаря и задерживался там по несколько часов [9, с. 52, 70, 86, 176, 211, 218, 346 и др.].

Постепенно ко второй половине 1710-х гг. круг вопросов, взаимно касавшихся Меншикова и Макарова, расширялся. Это было связано не только с тем, что их личные контакты становились все более тесными¹, но и с тем, что военные нужды в государственной политике уходили на второй план и уступали место необходимости реформировать «мирную» административную систему, где глава Кабинета и генерал-губернатор занимали не последнее место. Кабинет переставал быть исключительно личной канцелярией царя и как государственный орган получал все новые и новые компетенции.

Во-первых, Меншиков обсуждал с Макаровым дела общегосударственного значения: приезды посольств, дипломатические вопросы [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 18–18об, 25–25об, 45–46об, 201–214об и др.], отправку дворянских и купеческих детей для обучения в Европу [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 13–15об, 16–17, 30–33, 93–97 и др.], условия заключения контрактов с иностранными мастерами [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 73–76, 103–104 и др.], строительство гаваней, кораблей, военных сооружений [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 36–40об, 42–43, 44–57, 112–115об, 153–154об, 167–167об и др.] и т.д. Во-вторых, особую тему для разговоров составляли вопросы управления Санкт-Петербургом и его округой: Кабинет непосредственно участвовал в процессе строительства и благоустройства новой имперской столицы [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 3–4, 28–29, 89–90, 129–131об, 147–150об, 241–250 и др.]. Так, в 1717 г. Меншиков сообщал Макарову о строительных работах в Петергофе, которые он отправился проверять². Князь делился своими сомнениями относительно проектов архитектора Ж.-Б. Леблона и просил кабинет-секретаря донести подробно государю, что «Бог весть, какой от него будет плод, ибо более всех завтраками кормит, правда, что человек искусной и умной, и я истинно ни мало с воли его сына» [10, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 33, л. 95об].

Во время путешествий и заграничных поездок Петра I Макаров сообщал Меншикову актуальную информацию о передвижениях государя, о его времяпрепровождении, состоянии здоровья, настроениях и планах [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 2–7об, 8–11об, 25–25об, 41–41об, 45–46об, 98–100об, 155–157об, 168–168об, 176–179, 221–223, 282–282об и др.]. Важным вопросом было устройство подводов для Петра и Екатерины, которые должны были сообща организо-

вать князь и кабинет-секретарь на пути к Санкт-Петербургу [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 181–121об, 147–150об, 160–163об, 174–175об и др.]. Меншиков, в свою очередь, передавал через Макарова сведения о детях государя, оставшихся на его попечении, а также объявлял о событиях, происходивших в Санкт-Петербурге, приезде или отъезде оттуда важных государственных деятелей, праздниках или, наоборот, кончинах кого-либо [10, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 33, л. 7, 11–11об, 13–14, 24–26; д. 36, л. 711–711об, 719–719об и др.]. Макаров часто выступал связующим звеном между Меншиковым, с одной стороны, и Петром и Екатериной, с другой: он передавал государю и государыне письма от князя или же вовсе ходатайствовал от лица Александра Даниловича принять какое-либо решение [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 13–15об, 18–18об, 39–40об, 45–46об, 58–60, 138–139об, 229–230об и др.]. В целом и корреспонденция Макарова к Меншикову, и корреспонденция Меншикова к Макарову в 1716–1725 гг. отличалась регулярностью, информативностью и, что немаловажно, взаимностью³.

Помимо деловых вопросов, Макаров и Меншиков обсуждали личные дела и надеялись на помощь друг друга при решении проблем. Оба вельможи находили время отправить поздравления с днями рождения, праздниками или знаменательными датами, сообщали сведения о семьях, навещали их в отсутствие другого и интересовались здоровьем [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 5–7об, 10–11об, 19–21аоб, 85–86об, 101–102об, 145–146об, 176–179, 197–199об, 215–261об, 246–246об, 301–302об и др.]. Макаров благодарил Меншикова за содействие в строительстве дома и межевании [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 108–109об, 118–121об и др.], а также обращался к нему с мелкими просьбами (отпустить драгуна со службы, оказать протекцию своим родственникам, способствовать контактам с комендантом Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотовым и т.д.) [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 18–18об, 123–123об, 170–171об, 315–351об]. При этом примечательно, что сам он делал для князя значительно больше. Например, кабинет-секретарь не раз выручал Меншикова, оказавшегося под следствием из-за обвинений в хищении государственных средств [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 145–146об, 153–154об, 168–168об, 172–173об, 177–179, 190–191об, 197–201об и др.]. В 1720 г. Меншиков жаловался Макарову: «однако ж чрез сие особливо прошу, дабы во благовременной час изволили вы донести напред Ее величеству всемилодивейшей государыне царице, а потом и Его царскому величеству, чтоб по поданному от меня щоту с

Соловьевыми, которой уже близ года в канцелярию подан, да они своим злым упрямством и нарядным воровством не отмечают» [10, ф. 9, оп. 3, отд. 2, д. 47, л. 179]. Кабинет-секретарь, как показывает его ответная корреспонденция, выполнил просьбу Меншикова и с государем о резолюции по делу поговорил [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 197–201].

Таким образом, учитывая давние деловые и личные отношения, регулярные услуги, помощь кабинет-секретаря в других судебно-следственных процессах и обоюдное желание сотрудничать, не удивительно, что Макаров входил в число тех людей, на которых Меншиков возлагал большие надежды по ходу развития и усугубления грозившего ему падением Почепского дела. Кроме того, как отмечалось ранее, Макаров особо интересовал Меншикова, поскольку имел реальную возможность «в благополучный час донести» государю о любом деле без лишних свидетелей. Кабинет-секретарь к тому же поддерживал контакты с другими важными персонами (Екатериной, П.А. Толстым, П.П. Шафировым и т.д.), которые оказались вовлеченными в почепские разбирательства – хотя некоторые из них Меншикова не поддерживали – и были способны оказать влияние на мнение государя. Поэтому поддержка обладающего широкими политическими связями Макарова казалась для Меншикова просто необходимой. Макаров, в свою очередь, не мог не понимать реальной степени могущества князя, даже несмотря на наступившее к 1720-м гг. охлаждение в отношениях между ним и Петром, и широты сферы его влияния, не мог он и не оценить по достоинству его удивительное умение находить выход из совершенно катастрофического положения. В целом сотрудничество между Меншиковым и Макаровым по ходу Почепского дела являлось в какой-то степени логичным и взаимовыгодным альянсом для обеих сторон.

Судебно-следственный процесс, известный в историографии под названием «Почепское дело», был связан с земельными захватами князя Меншикова на Украине в 1710-х гг. Как показывают источники, проблема разграничения земельных владений, иными словами – межевания, являлась особо актуальной для малороссийских территорий начала XVIII в. После измены И.С. Мазепы принадлежавшие ему земли и земли его соратников были отданы целому ряду независимых собственников, которые не всегда могли четко определить границу своих владений. В силу этого среди дел Малороссийской экспедиции Сената сохранился целый комплекс материалов различных земельных споров, происходивших между рядовыми каза-

ками, казачьим старшиной, царскими соратниками и др. [10, ф. 248, оп. 29, д. 1754, л. 534–543, 598–670об]. Однако ни одно несправедливое межевание не было проведено с такой смелостью и в таких размерах, как почепское, и, соответственно, не вызвало такого политического резонанса.

Получив в 1709 г. принадлежавшие ранее Мазепе почепские земли, а именно территории, относящиеся «до ратуши почепской» и «до двору гетманского», Меншиков не успокоился и начал их постепенно расширять [11, с. 278]. В результате в 1718–1719 гг. по межеванию дьяка И.Р. Лосева почепские владения князя должны были включить в себя отданные в 1709 г. земли Мазепы; территории почепских казаков и Храповской волости, полученные от гетмана И.И. Скоропадского; обширные земли Бакланской, Мглинской и большей части Стародубской сотни. Действия Меншикова, надо полагать, были во многом определены экономическими причинами: казаки, примежеванные Лосевым к меншиковским владениям, фактически ставились на положение крестьян и должны были платить подати князю.

Не удивительно, что подобное межевание в пользу Меншикова вызвало возмущение и жалобы казаков, активный ход которым был дан сразу же после махинаций Лосева. Положение Меншикова усугубляла позиция по этому вопросу гетмана Скоропадского, которого возмущенные казаки прежде всего и атаковали. Кроме того, усиление влияния Меншикова на Украине не могло не вызывать недовольства других петровских соратников, имевших личные интересы. Как известно, Скоропадский князь не поддерживал, несмотря на постоянные попытки Александра Даниловича склонить его на свою сторону: посылал к царю партикулярные письма и доношения с просьбами провести справедливое межевание, лично приезжал в Санкт-Петербург [10, ф. 198, оп. 1, д. 199, л. 6–11; д. 737, л. 237; д. 869, л. 10, 19–25об], обращался за помощью к влиятельным сенатору П.А. Толстому и вице-канцлеру П.П. Шафирову [12, с. 419–421; 13, р. 143]. Параллельно в столицу с челобитными к Петру отправлялись казачьи делегации с требованиями провести справедливое межевание и умерить аппетиты князя.

В подобных обстоятельствах Меншиков тоже без дела не сидел: он активизировал все доступные для него ресурсы, которые, правда, работали с разной степенью эффективности. Князь регулярно писал Петру с просьбами принять справедливое и милостивое, естественно с собственной точки зрения, решение; поддержи-

вал или устанавливал новые связи с малороссийской элитой в надежде прекратить возмущения казаков на местах; пытался контролировать действия Коллегии иностранных дел и Сената, к чьей компетенции относилось судопроизводство по Почепскому делу; обращался за помощью к близким к Петру государственным деятелям, способным замолвить за него слово в нужный момент (об этом подробнее см. [14]). Среди последних особое место было определено Макарову.

Как показывают известные нам документы, кабинет-секретарь был вовлечен в Почепское дело практически сразу, как было проведено межевание Лосева. В августе 1720 г. Макаров в приписке к письму, отосланному к Меншикову, сообщал: «пред несколькими временем показывал мне перевод с письма гетманского Петр Андреевич (Толстой. – *М.Н.*), в котором упоминается с немалою жалобой о межевании почепских земель, для чего он мне и вашей светлости письмо к нему казал же, которое письмо прочет. Сказал я ему, что те земли принадлежат прямо к Почепу, как и сами тамошня обыватели сказали, на что он мне в ответ сказал, что де обыватели принуждены сказать неволею» [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 237]. Затем Макаров пересказывал дальнейший ход разговора с Толстым, из которого становится ясно, что кабинет-секретарю к тому времени было достаточно подробно известно обо всех почепских событиях. Вряд ли он искренне считал Меншикова невиновным в почепских захватах. Однако, передавая князю детали беседы с Толстым, Макаров посчитал необходимым упомянуть, что со своей стороны советовал Толстому оставить разбирательства по Почепскому делу до возвращения Меншикова с Украины и убеждал его, что недовольство межеванием у гетмана и старшины вызвали не земельные проблемы, а «добрый порядок», учиненный князем [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 237]⁴.

Упоминаемые в корреспонденции переговоры Макарова с Толстым, тем не менее, никаких реальных последствий не имели. Почепский конфликт развивался достаточно стремительно, а возвращения Меншикова вряд ли кто-то собирался ждать. Более того, хотя Петр Андреевич в личных письмах к князю пытался поддерживать видимость приятельских отношений⁵, помощи Меншикову оказывать не спешил. Наоборот, как показывают исследователи, почепского межевания князя он не одобрял и параллельно поддерживал контакты с меншиковскими противниками [12, с. 419–421; 13, р. 143].

Возвращаясь к анализу контактов между Меншиковым и Макаровым, подчеркнем, что

новости, полученные из писем кабинет-секретаря, не стали для князя сюрпризом. Меншиков практически в то же время отправил к кабинет-секретарю своего адъютанта С.В. Нестерова с поручением передать Макарову корреспонденцию, рассказать ему лично об известных и важных для князя подробностях Почепского дела, просить доподлинно донести государю и государыне и ложным обвинениям, выдвинутым казаками вместе с гетманом Скоропадским, не верить [10, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 47, л. 156]. Через Нестерова Меншиков также передал Макарову копии с писем резидента при гетманском дворе Ф.И. Протасьева, которые тот отослал Толстому, Шафирову и Меншикову из г. Глухова. Письма Протасьева во многом подтверждали сведения кабинет-секретаря, полученные из разговора с Толстым: в них подробно описывались обстоятельства межевания Почепя, недовольство гетмана и казаков (совершенно несправедливое, по мнению Меншикова) и в принципе настроение малороссийской элиты, касающееся дела [10, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 47, л. 156–158].

В конце 1720 г. и следующем 1721 г. корреспонденция, отправляемая Меншиковым к Макарову, стала еще более тревожной. Прежде всего беспокойство князя нарастало в связи с тем, что в Санкт-Петербург продолжали прибывать делегации казаков с челобитными и письмами от гетмана (после того, как в 1720 г. в столицу приехали казаки во главе с гетманским канцеляристом П.В. Валькевичем, в 1721 г. – еще одна группа во главе с казаком Симонтовским), а заседавшие в Сенате, которые должны были вести судопроизводство по Почепскому делу, как и сам государь, никакой резолюции не выносили.

Ход Почепского дела, очевидно, начинал затягиваться и погружаться в делопроизводственные дебри. Если еще 17 декабря 1720 г. Меншиков более-менее спокойно обращался к Макарову, чтобы тот объявил «в Сенат таким образом, что царское величество указал по прошению моему почепское межевое дело рассмотреть все господам сенаторам здесь» [10, ф. 9, оп. 3, отд. II, д. 47, л. 140], то в апреле 1721 г. Меншиков уже весьма настойчиво жаловался сначала Петру, а потом Макарову с Екатериной [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 47–48, 60–62об] на нерасторопность разбирательств: «да изволите повелеть присланных сюды неправых челобитчиков допросить, и указать той меже быть так, как помянутые зарученные межевые книги учинены, ибо уже, как мое прошение вашему величеству было подано в Ревеле, тому четвертой год, и по се время то дело во окончание не мо-

жет прийти, и о том да изволите повелеть милостивой указ в Сенат прислать, чтоб по моему прошению по тем книгам учиня рассмотрение, учинили решение» [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 47об–48]. К тому же в личных письмах к Макарову князь не скупился на обвинения по отношению к малороссийским должностным лицам, утверждая, что они действуют противно правам и держат другую, т.е. не его, сторону только потому, что «я мало ефимков и вина куф имею, и дарить мне их нечим» [10, ф. 198, оп. 1, д. 162, л. 160а].

Помимо тональности писем к 1721 г. поменялась суть прошений Меншикова: к просьбам уведомить Петра об обстоятельствах дела постепенно добавлялись просьбы на государя повлиять и милостивую резолюцию учинить [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 57об, 62об]. Князь, кроме того, все больше стал использовать Макарова для давления на Екатерину, которую он параллельно в партикулярных письмах призывал исходатайствовать милостивое решение⁶ [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 41–41об, 60, 63–64].

К более активным действиям Меншиков перешел и по отношению к Сенату. 17 апреля он обращался к кабинет-секретарю с поручением: «ежели же паче чаяния оное продолжитца, то чтоб вы от себя в Сенат тот его величества указ какой вам от его царского величества по моему прошению был приказан, объявив в Сенате писмянно, прописав и за отворчатою печатью, ко мне прислать, а имянно такой, ежели возможно сие написать, чтоб Почепское межевое дело рассмотреть и, о свидетелствовав всех камисаров подпискою тем неправым челобитчиком, учиня допросы и дав очные ставки, надлежащее учинить решение, ибо в Сенате тот ваш словесной приказ вменяют во ничто» [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 43]. Особенно задело Меншикова желание сенаторов отпустить челобитчиков вопреки его многократным прошением [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 61–62, 65–65об, 74об, 77, 80]. Макаров же, понимая беспокойство князя, от вверенной ему миссии отказался, ссылаясь на то, что «сие я за волю вашей светлости готов исполнить, толко разсуждаю, сие быти неважно, ибо лутче, как точной указ от самого Его величества будет прислан, о чем и Ее величество государыня царица милостиво изволила Его величеству упоминать» [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 251]. Подобное поведение кабинет-секретаря вполне объяснимо: без воли и одобрения монарха он не был готов взять на себя такую ответственность.

1722 г. представляет собой некое затишье в обмене корреспонденцией между Меншиковым и Макаровым относительно Почепского дела.

Возможно, на относительное спокойствие князя повлияли попытки договориться со Скоропадским (при посредничестве Толстого) [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 60, л. 562–563об] и последовавшая за временным⁷ перемирием кончина гетмана, главного заступника казаков, в июле 1722 г. Новый виток активных разбирательств последовал лишь в 1723 г., когда принятие окончательного решения по Почепскому делу было поручено Вышнему суду на Генеральном дворе в с. Преображенское⁸.

Макаров во время следствия на Генеральном дворе продолжал щедро снабжать Меншикова сведениями. Он информировал князя о происходящем в Преображенском, упоминал о настроениях государя и следователей относительно Почепского дела, выступал посредником. Стоит сказать, что Меншиков и сам был неплохо осведомлен о ходе следствия, поскольку вел переписку с Генеральным двором, отвечал на посланные оттуда пункты и отправлял доношения [10, ф. 198, оп. 1, д. 199]. Тем не менее в корреспонденции, полученной от кабинет-секретаря, отложились важные для пытавшегося держать под контролем ситуацию князя сведения. Так, 10 апреля 1723 г. Макаров подтверждал беспокойство Меншикова⁹ о том, что члены суда не очень-то торопились с принятием решения. «Приехав сюда, – сообщал кабинет-секретарь в одном из писем, – старался, чтоб на оное (Почепское дело. – М.Н.) до праздника святых Пасхи резолюция учинена была, но понеже судьи Генерального двора еще сюды, кроме одного господина Дмитриева-Мамонтова, не бывали, а резолюции без них учинить невозможно для того, что взяты сюда одни их мнения, а приговор, хотя и готов, однако ж им наперед надобно опробовать и подписать, и для того те дела оставлены до Фоминой недели» [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 304–304об]. В ответ Меншиков неустанно повторял: прошу «во благополучное время о учинении резолюции доложить Его императорскому величеству» [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 63, л. 557].

В 1723 г. желание как можно быстрее добиться окончательного решения по Почепскому делу в большой степени определяло содержание писем Меншикова к Макарову. Помимо этого, Александр Данилович использовал контакты с кабинет-секретарем для того, чтобы прояснить детали более частных вопросов, касавшихся деления почепских территорий. Подобные уточнения были ему необходимы в том числе и для ведения переписки с заседавшими на Генеральном дворе. Например, в марте 1723 г. Меншиков посылал к Макарову табель (такая же была отправлена им несколькими днями ранее

на Генеральный двор [10, ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 88]) с фамилиями казаков, среди которых, как он утверждал, были те, которые записались в казаки до гетмана Б.М. Хмельницкого, и те, которые попали в их в число после него. Князь, ссылаясь на договорные пункты Хмельницкого и универсал, данный ему Скоропадским, просил Макарова сделать выписку, доложить государю и получить от него указ, кем из казаков Меншикову владеть, а кем – нет [10, ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 122–124]. Макаров, как и прежде, в ответ на все обращения князя обещал помочь [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 305–310об].

Однако было ли все так гладко в отношениях между Макаровым и Меншиковым? Н.И. Павленко, излагая детали биографии Меншикова, утверждал, что благодарный за былую протекцию кабинет-секретарь был одним из самых ярких княжеских заступников перед государем и, более того, якобы «слепо верил в безгрешность» Александра Даниловича [15, с. 312, 314]. Не имея оснований преуменьшать степень вовлеченности Макарова в Почепское дело и значимости его помощи для Меншикова, отметим, что говорить о безграничном или слепом доверии кабинет-секретаря очевидно виновному в земельных захватах князю было бы слишком смело. Макаров действительно сообщал Меншикову ценнейшие сведения и выступал, как писал о нем Толстой, «вашей светлости добрым приятелем» [10, ф. 198, оп. 1, д. 963, л. 174]. Надо полагать, ему самому было на руку поддерживать доверительные отношения с хотя и находящимся под следствием, но все еще могущественным царским фаворитом. При этом кабинет-секретарь, как никто, знал весьма вспыльчивый характер монарха и поэтому не спешил вызвать его недовольство, рискнуть собственной головой ради князя. Он, угадывая настроения государя, просил за Меншикова ровно столько, сколько ему позволял случай [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 251–253].

Аккуратность Макарова в отношении интенсивности заступничества подтверждают и многократные попытки Меншикова, недовольного промедлением, воздействовать на него с помощью других близких к государю личностей: Екатерины, И.М. Головина, камергера императрицы В.И. Монса, генерал-полицмейстера А.М. Девиера, капитана З.Д. Мишукова, обер-секретаря А.Я. Волкова и прокурора Военной коллегии Е.И. Пашкова (см., например: [10, ф. 198, оп. 1, д. 163, л. 283–283об; д. 191, л. 129об–130; д. 469, л. 148–150; д. 557, л. 257–258об, 264–266; д. 774, л. 5–6об; 15, с. 50–51; 16, с. 232, 234]). Последних пятерых в 1723 г. он просил, «чтоб они ему, господину кабинет сек-

ретарю Макарову, о сочинении выписки памятовали и о решении оногo дела, чтоб по оному доложил Его императорскому величеству до светлой недели, просили» [10, ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 130]. Помощь и старание Макарова имели очень четкую границу.

Тем не менее в итоге усилия Меншикова и его помощников дали свои плоды. Как известно, весной 1723 г. после многолетних разбирательств и повинного челобитья князя с признанием всех обвинений¹⁰ Петр I принял решительную резолюцию по Почепскому делу. Согласно царскому вердикту, Меншиков лишался поста президента Военной коллегии, должен был отдать все несправедливо захваченные земли и вернуть повинности (оброчные деньги), взятые с казаков [15, с. 234]. Таким образом, наказание, полученное князем, выглядело весьма ничтожным по сравнению с полным политическим крахом, который ему предрекали некоторые современники [17, с. 232–233, 18, с. 217–218]¹¹. Более того, Меншиков приговором удовлетворен не был и не оставлял надежд его облегчить, в особенности требование возврата оброчных денег. Окончательно повернуть дело в свою сторону ему удалось лишь после смерти Петра – в декабре 1725 г. благосклонная к Меншикову Екатерина I подписала указ о полной реабилитации князя по всем его уголовным делам [16, с. 202].

Подводя итог изучению роли А.В. Макарова в Почепском деле князя А.Д. Меншикова, стоит сказать, что его участие в данном судебно-следственном процессе было вполне логичным вектором развития взаимоотношений двух петровских соратников, начавшихся еще в 1703–1704 гг., когда будущий кабинет-секретарь служил подьячим в Ижорской канцелярии князя. Со временем, обретая все большее влияние и политический вес, Макаров стал способен влиять на ход государственного развития и принятие тех или иных политических решений. Поэтому же он, видя в приятельстве с Меншиковым личную выгоду, смог оказывать помощь князю в его личных делах, в том числе и в Почепском деле, в 1720-х гг. наиболее всего волновавшем Александра Даниловича. Более того, Макаров в отличие от многих других княжеских «агентов» предпринимал реальные шаги поддержки, а не кормил его обещаниями. Он регулярно информировал князя о происходящем, передавал государю и государыне сведения, полученные от Меншикова, выходил на контакт с другими действующими лицами дела. Это позволяло ему сохранять с князем хорошие отношения до последнего.

Тем не менее помощь, оказываемая Меншикову Макаровым в ходе Почепского дела, имела свои ограничения. Ее возможности определялись, прежде всего, мнением государя и собственными интересами кабинет-секретаря. Макаров был не готов ради Меншикова поставить под удар свою политическую карьеру и растерять ценный ресурс доверия Петра, который в один момент мог лишитъ всего нажитого не только князя, но и его самого. Граница влиятельности кабинет-секретаря проходила там, где начиналось мнение государя, другими словами, Макаров мог щедро информировать князя и оказывать ему заступничество, но только в тех рамках, которые не грозили ему падением в глазах правителя. Он никогда бы не пошел против Петра, каким влиятельным Меншиков ни казался.

Соответственно, доверие и воля государя являлись для Макарова важным нематериальным ресурсом, обеспечивающим его существование на вершине государственной иерархии. Они определяли границы влиятельности кабинет-секретаря, ограничивали его возможность помогать кому-либо, отстаивать собственные или товарищеские интересы. Поэтому же характеризующие личность Макарова умение лавировать между личным благом и государственным, способность находить взаимовыгодный компромисс и вовремя включать чувство меры позволили ему сохранить свое могущество до конца петровского правления, с одной стороны, и не вступить ни в один известный крупный политический конфликт, с другой.

Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ на базе Школы исторических наук на основе данных, полученных в период стажировки. Автор выражает глубокую признательность д.и.н., проф. А.Б. Каменскому (Школа исторических наук НИУ ВШЭ) за помощь при подготовке текста.

Примечания

1. Анализ упоминаний А.В. Макарова в «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» показал, что до 1718 г. имя кабинет-секретаря встречается преимущественно как члена окружения Петра. В случаях, когда говорится об ответном визите Меншикова к Макарову, отмечается его причина – рождение ребенка, ассамблея и т.д. и т.п. После 1718 г. о Макарове ведется речь как о самостоятельном посетителе, с которым князь вел долгие разговоры с глазу на глаз. См.: [9].

2. О строительстве Петергофа в этом и других годах см.: [10, ф. 198, оп. 1, д. 737, л. 10–11об, 13–15об, 30–33, 44–57, 89–90, 105–107, 110–110об, 116–117об, 140–144об, 158–158об].

3. За обозначенный период 1716–1725 гг. корреспонденция от Макарова к Меншикову отложилась в фонде 198 «кн. А.Д. Меншиков» Российского государ-

ственного архива древних актов (далее – РГАДА); корреспонденция от Меншикова к Макарову сохранилась в фонде 9 «Кабинет Петра I и его продолжение» РГАДА.

4. Надо полагать, Меншиков вполне хотел слышать из уст кабинет-секретаря подобные слова в свою защиту.

5. В корреспонденции Толстого к Меншикову находится только одно письмо, посвященное Почепскому делу. Оно относится к 1721 г. В нем Петр Андреевич утешает князя: «о делах мне от вашей светлости приказанных по моей возможности стараюсь, о чем з господином кабинет секретарем Макаровым неоднократно говорил» [14, с. 54]. Как «старался» Толстой – по источникам непонятно. Скорее всего, у нас есть все основания говорить о том, что Толстой лукавил.

6. Среди имеющихся в нашем распоряжении писем Екатерины к Меншикову обнаружено лишь одно, в котором государыня упоминает Почепское дело и свое в нем участие. 29 апреля 1721 г. Екатерина писала: «Светлейший князь Александр Данилович, здравствуй с светлейшою княгинею з детками, и с Варварою Михайловною. Обя[вляю] вам, что его царское величес[тво ку]пно и я при помощи Божии в доб[ром з]дравии обретаемся. Письмо ваше от 21 апреля чрез пажа вашего Дурнова мы получили и за уведомление о всецелом и здоровом состоянии любезных детей и внучат наших благодарствуем. Что же приналежит о известном вашем почепском деле, и о оном Его величества довольно я просила, дабы по желанию вашему указ был дан, и какую резолюцию изволил учинить, о том увидите из посланнаго от Его величества к вам писма» [10, ф. 5, оп. 1, д. 27, л. 179]. Стоит отметить, что анализ другой корреспонденции, поступавшей к князю или отправляемой от него показывает, что диалог между ними – напрямую или через посредников – относительно межевого конфликта происходил в разы чаще, чем однажды. В некоторых случаях конфиденты Меншикова передавали ему сведения о том, что Екатерина о Почепском деле государю упоминала [10, ф. 9, оп. 4, отд. II, д. 56, л. 63–64; ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 124–124об; д. 737, л. 237, 251–252; д. 774, л. 5–6об].

7. Уже после того как 8 марта 1722 г. появился «мирный» документ, Скоропадский подал новую челобитную [15, с. 232].

8. В состав суда вошли Я.В. Брюс, И.А. Мусин-Пушкин, А.А. Матвеев, И.М. Головин, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.Л. Воейков, С.А. Блеклый и секретарь П.А. Ижорин. Впоследствии к ним добавились И.И. Бутурлин, А.П. Баскаков, А.Ф. Бредихин [10, ф. 198, оп. 1, д. 199, л. 1, 15, 22об].

9. Меншиков высказал свои опасения в письме В.И. Монсу: «хотя оное дело Его императорское величество указал решить в Москве, но за безчастием моим того и по се число не учинено и уповав, что оное, не решив, возмется в Санкт-Петербурх» [10, ф. 198, оп. 1, д. 191, л. 106–107].

10. В материалах судебно-следственного дела отложилось несколько вариантов челобитной, посланной князем к государю. Несмотря на незначительные различия в формулировках, суть их сводилась к полному признанию Меншиковым всех обвинений и

просьбам о милостивом решении. В качестве примера приведем вариант от 13 февраля 1723 г.: «Всемилодивейший император и государь. Понеже по делу о почепском межевании приношу пред Вашим императорским величеством мою вину (1) во взятии от Лосева инструкции; (2) что бил челом Вашему величеству о межевании по меже межевщика Пушкина 7146 году, а не против жалованной грамоты и уневерсала гетманского, и не по владению прежних гетманов и гетмана Скоропацкого, и не по меже Крифцова, что мне было отдано, и оным Крифцовым отмежевано; (3) в письме к Лосеву, чтоб межевал так, дабы мне убытку не было. И во всем по тому делу никакова оправдания принести не могу, ибо то я делал, желая получить себе прибыль. И для того все-нижайше у Вашего величества слезно прошу милостивого помилования, понеже кроме Бога и Вашего величества превысокой ко мне отеческой милости, иного никакова надеяния не имею и отдаю во всем в волю и милосердие Вашего величества. Вашего императорского величества все-нижайший раб Александр Меншиков» [10, ф. 198, оп. 1, д. 199, л. 13–15].

11. В противоположность существовало мнение, более соответствующее реальности, о том, что Меншиков, несмотря на некоторые потери, сможет сохранить свои политические позиции. Так, голштинский камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, сообщая о событиях 19 февраля 1723 г., писал: «Говорили, что в этот день у князя Меншикова были отобраны все крестьяне (которых он имел в Украине огромное количество) и дом его в здешней Немецкой слободе; что, кроме того, он обязан будет заплатить еще 40000 рублей и, хотя останется при своих чинах, однако ж впредь не будет присутствовать ни в Сенате, ни в Военной коллегии и лишится командования армией. Но так как император, уважая многолетние его заслуги, все еще очень дорожит им, да уже и прежде присуждал его к подобному наказанию, а потом все-таки прощал, то думают, что князь и на сей раз отделается страхом и уплатой денежного штрафа» [18, с. 505–506].

Список литературы

1. Бантыш-Каменский Н.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 4. М.: Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. 459 с.
2. Бердников Л.И. Дерзкая империя: нравы, одежда и быт Петровской эпохи. М.: АСТ, 2018. 384 с.
3. Демкин А.В. Русские деловые люди XVIII столетия. М.: Ломоносовъ, 2019. 192 с.
4. Захаров А.В. Макаров Алексей Васильевич // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. С. 505.
5. Русские избранники и случайные люди. Составил Георг фон-Гельбиг, секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II, 1787–1796 // Русская старина. 1886. № 4. С. 1–180.
6. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1985. 346 с.
7. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 794 с.
8. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН).
9. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2000. 646 с.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
11. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1. Киев: Тип. К.Н. Милевского, 1888. 552 с.
12. Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 408–432.
13. Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.
14. Накишова М.Т. К истории Почепского дела князя А.Д. Меншикова // Славяноведение. 2021. № 4. С. 40–59.
15. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2016. 400 с.
16. Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. М.: Молодая гвардия, 2018. 348 с.
17. Сборник Русского исторического общества. Т. 15. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. 666 с.
18. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / Вступ. ст. И.В. Курукина; коммент. К.А. Залесского, В.Е. Климанова, И.В. Курукина. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. 864 с.

CABINET SECRETARY A.V. MAKAROV AND HIS ROLE IN THE POCHEP CASE OF PRINCE A.D. MENSHIKOV

M.T. Nakishova

The article pays attention to the state activity of A.V. Makarov, Cabinet Secretary, and his participation in the judicial process of Prince A.D. Menshikov, related to the land surveying in Ukraine. The relations that have evolved between Menshikov and Makarov, starting from the period of Makarov's service in the Izhora Chancellery, are considered in detail. The issues on which their ties took place are reconstructed based on the analysis of the correspondence. Especially, letters in which it is written about the Pochep case are studied. The author analyzes the dynamics, tonality and content of Menshikov's letters to Makarov and Makarov's letters to Menshikov. As a result, it is concluded that Makarov is indispensable for Menshikov in the course of judicial process, but the limited assistance of the cabinet secretary is emphasized within the framework of his own interests and the will of the sovereign.

Keywords: Pochep case, judicial process, land surveying, Cabinet, Cabinet Secretary, A.D. Menshikov, A.V. Makarov, Ukraine, Pochep.

References

1. Bantysh-Kamensky N.N. Dictionary of worthy mints of the Russian land. M.: Typography of Augusta Semen at the Imperial Medical and Surgical Academy, 1836. Part 4. 459 p.
2. Berdnikov L.I. Defiant empire: morals, clothes and life of the Petrovsky era. M.: AST, 2018. 384 p.
3. Demkin A.V. Russian business people of the XVIII century. M.: Lomonosov, 2019. 192 p.
4. Zakharov A.V. Makarov Alexey Vasilievich // Big Russian Encyclopedia. T. 18. M.: Big Russian Encyclopedia, 2011. P. 505.
5. 5. Russian chosen ones and random people. Compiled by Georg von Gelbig, secretary of the Saxon embassy at the court of Catherine II, 1787–1796 // Russian Antiquity. 1886. № 4. P. 1–180.
6. Pavlenko N.I. Peter's associates. M.: Myisl, 1985. 346 p.
7. 200th anniversary of the Cabinet of Emperor. 1704–1904. St. Petersburg: Partnership R. Golike and A. Wilborg, 1911. 794 p.
8. The Scientific and Historical archive of Saint-Petersburg Institute of History.
9. Daily notes to affairs of the prince A.D. Menshikov 1716–1720, 1726–1727 / Publ. S.R. Dolgova and T.A. Lapteva. M.: Russian fund of culture; TRITE Studio; Grew. Archive, 2000. 646 p.
10. Russian State Archive of Ancient Acts.
11. Lazarevsky A. Description of old Ukrain. Materials for the history of settling, land tenure and management. V. 1. Kiev: Typography. K.N. Milevsky, 1888. 552 p.
12. Lazarev Ya.A. «To your yasnevelmozhnost the eager servant»: to a question of functioning of informal communications in the Russian-Ukrainian relations in the 1720th – the first half of the 1730th century // Ruling elite and the nobility of Russia in time and after Petrovsky reforms (1682–1750). M.: ROSSPEN, 2013. P. 408–432.
13. Bushkovich P. Poltava's Consequences: Local Autonomy in the Russian Empire during the Reign of Peter I // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. No. 1/4. P. 135–158.
14. Nakishova M.T. Some information to the history of the Pochev case of prince A.D. Menshikov // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. № 4. P. 40–59.
15. Pavlenko N.I. Menshikov. M.: Molodaya gvardia, 2016. 400 p.
16. Serov D.O., Fedorov A.V. Investigators of Peter the Great. M.: Molodaya gvardia, 2018. 348 p.
17. Journal of the Russian Historical Society. V. 15. St. Petersburg: Typography of the Second Branch of Emperor's Chancellery, 1875. 666 p.
18. Diary of chamber-junker Friedrich Wilhelm Berchholz. 1721–1726 / Comment. K.A. Zalessky, V.E. Klimanova, I.V. Kurukin. M.: Kuchkovo pole; Retrospective, 2018. 864 p.